

С.Н. Булгаков и его философия русской литературы: духовный опыт писателей

И.Ю. Ильин

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-40-55

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды С.Н. Булгакова на русскую литературу в свете его оценки религиозных воззрений выдающихся представителей национальной словесности. На протяжении религиозно-философского периода своего творчества Булгаков часто выступал в роли литературного критика, не столько давая оценку отдельным произведениям, сколько обсуждая творчество того или иного писателя в мировоззренческом ключе. При этом в своих размышлениях Булгаков исходит из тезиса, что вера является неотъемлемым элементом мирозерцания всех ключевых авторов национальной литературы. Данное убеждение во многом обусловлено философской судьбой самого Булгакова, вернувшегося в лоно Православия. Философ размышляет о конфликте художника и религиозной личности, разворачивающемся в душе писателя. В этом, несомненно, можно увидеть отголоски его собственного опыта. Говоря о национальной литературе, Булгаков подчеркивает, что этическое в ней доминирует над эстетическим, а главным ее занятием является постановка и решение моральных проблем – область, которой на Западе занималась философия в собственном смысле этого слова. Главенство этики вытекает из национальных черт русского человека (в полной мере присущих и отечественным писателям), который привык задаваться метафизическими вопросами. Отсюда и внимание, уделяемое русскими писателями метафизике, а также выражение их собственных духовных исканий устами их героев.

Ключевые слова: духовный опыт, вера, русская литература, религиозная метафизика, религиозный аспект творчества, литературная критика.

Ильин Иван Юрьевич – магистр теологии, аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

iilin@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3214-4397>

Для цитирования: Ильин И.Ю. (2019) С.Н. Булгаков и его философия русской литературы: духовный опыт писателей // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 40–55. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-40-55

Sergei N. Bulgakov and His Philosophy of Russian Literature: The Spiritual Experience of Writers

Ilin I.Y.

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-40-55

Original research paper

Abstract

The article considers the views of Sergei Bulgakov on Russian literature in the light of his assessment of the religious views of Russian writers. Being philosopher and religious thinker, Bulgakov also often acted as a literary critic, paying attention not so much to selected works but to the worldview of the writers. S. Bulgakov shares vision that the faith is an integral element of all the main writers of Russian literature. This vision is largely due to the fate of Bulgakov himself, who returned to the bosom of Orthodoxy during this period. The philosopher reflects on the conflict between the artist and the religious personality, which is unfolding in the soul of a writer. Obviously, one can see here the echoes of Bulgakov's personal experience. Speaking about national literature, Bulgakov emphasizes that the ethical in it dominates over the aesthetic, and literature's main occupation is the formulation and solution of moral problems – an area that in the West was engaged in philosophy in the proper sense of the word. The primacy of ethics stems from the national features of the Russian man, fully inherent in writers who are accustomed to ask metaphysical questions. That is the cause of the attention paid by Russian writers to metaphysics. The Russian writers embedded their own spiritual quests into the speeches of the characters of their stories.

Keywords: spiritual experience, faith, Russian literature, religious metaphysics, religious aspect of creativeness, literary criticism.

Ivan Ilin – M.A. in Theological Studies, postgraduate student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

iilin@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3214-4397>

For citation: Plin I.Y. (2019) Sergei N. Bulgakov and His Philosophy of Russian Literature: The Spiritual Experience of Writers. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 3, pp. 40–55. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-40-55

Введение

На протяжении жизни С.Н. Булгаков посвятил достаточное количество своих работ знаковым фигурам русской литературы. В разные годы в центр его внимания попадали Толстой, Достоевский, Чехов, Герцен, Леонтьев, Пушкин, Гоголь, а также другие отечественные писатели. Булгаков, «верный и вместе с тем творческий выразитель “русской души”» [Кода 2015, 1], не обходит стороной выдающихся представителей русской литературы «Золотого Века», «включившись в решение задач по изменению мира эстетическими средствами, сформулированных представителями “Века Серебряного”» [Савельева 2012, 70]. Русская классическая литература, которую Булгаков считал выразительницей основных чаяний и волнений русской интеллигенции, становится для него проводником собственных идей: через оценку философами знаковых русских романов и творчества писателей читатель все отчетливее начинает видеть контуры его собственной метафизической системы.

Основная часть литературно-критических произведений Булгакова относится к началу XX в., когда еще была свежа память об идейно-эстетической дискуссии, посвященной проблеме идеала в творчестве писателя, развернувшейся в 80–90-е гг. предшествующего столетия. Философ занимает по отношению к этой дискуссии ясную позицию – защищает необходимость наличия идеалов в литературе. По его мнению, литература, как и вообще искусство, решает только одну, но титаническую по своему значению задачу – она является для человека способом познания себя и своей природы. Булгаков исходит из убеждения, что не все национальные литературы в данном отношении одинаково равноценны. Именно по масштабу этой осуществляемой задачи, по развертыванию «всеобъемлющей загадки», «вековечной думы» [Булгаков 2002, 540] русская литература для него занимает одно из первых мест в мировой культуре: «Русская художественная литература... в лице своих титанов – Толстого и Достоевского – ... высоко подняла задачи и обязанности художественного твор-

чества, сделав своей главной темой самые глубокие и основные проблемы человеческой жизни и духа» [Булгаков 2002, 542].

Булгакову важно показать, что русская литература антинигилистична per se. Недаром практически в каждом своем литературно-критическом произведении он упоминает Ницше и делает отсылки к его произведениям. Ницше является для Булгакова универсальным контрпримером русской литературы, целиком направленной на поиск и утверждение метафизического основания.

В лекции об Иване Карамазове мыслитель отмечает, что философия в России представлена довольно слабо, а потому национальная литература – «философская *rag excellence*» [Булгаков 2008a, 194] – вынуждена таким образом брать на себя постановку и решение философских проблем. «Русский писатель, по Булгакову, – своего рода философ-практик, который ставит вечные метафизические вопросы, но воплощает их не в теоретических трактатах, а в художественных образах» [Одесская 2010, 34]. По мнению философа, в отечественной литературе нашли свое отражение несколько феноменов, присущих русскому человеку, сформировавших ее облик и восприятие в мире. Речь идет, прежде всего, об искании веры, о тоске по высшему смыслу жизни, о мятущемся беспокойстве русской души и о ее больной совести [Булгаков 2002, 542].

Итак, именно искание Бога, правды, души, смысла жизни Булгаков называет главной задачей творчества отечественных писателей. Он цитирует ранний чеховский рассказ «На пути», где тот, «почти дословно повторяя Достоевского» [Булгаков 2002, 542], говорит про значение веры для нации: «Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она все равно что талант, с нею надо родиться. Насколько я могу судить по себе, по тем людям, которых видал на своем веку, по всему тому, что творилось вокруг, эта способность присуща русским людям в высочайшей степени. Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а неверия и отрицания она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое» [Булгаков 2002, 542].

Булгаков, живший, по собственному признанию, «в вере и верую» [Булгаков 2008b, 398], явно симпатизирует словам чеховского героя, он с ним солидаризируется. О важности понимания религиозных поисков и духовных перипетий личности для анали-

за философии автора Булгаков говорит и в очерке, посвященном Герцену: «Что составляет человека в отдельных лицах, которых мы знаем, как представителей различной деятельности?.. Этой истинно, подлинно и единственно человеческой стихией является его религия, понимаемая, конечно, в самом широком смысле слова: чем он живет, что он считает для себя самым святым и дорогим, и как он живет, как он служит своей святыне. Узнать человека значит узнать его религиозную жизнь» [Булгаков 1903, 162].

То важное место в структуре личности, которое Булгаков отводит вере и религиозным переживаниям, необходимо, конечно, связывать с перипетиями его личной судьбы. Абсолютное большинство его литературно-философских произведений было написано в период между 1902 и 1916 годами – период глубокой личностной эволюции, начавшийся с отхода от марксизма и через религиозно-философские искания приведший его к принятию священства в 1918 г. Иными словами, в булгаковском литературном анализе необходимо всегда видеть и учитывать события его собственного жизненного опыта.

Поиск веры как основание творчества

Булгаков считал, что писатель, подобно иному художественному творцу, не сам направляет художественное внимание как личность, но дает действовать в себе стихии таланта: «Глубочайшая искренность и правдивость, вытекающая из полнейшей внутренней свободы, есть отличительная черта истинно художественных произведений, – а вместе и мера их гениальности» [Булгаков 2000b, 601–602]. Эта свободная интенциональность и непредзаданность являет собой различие между подлинным искусством и неподлинным, т.е. тенденциозным.

Действие в человеке этого сверхличностного начала может привести к религиозной драме, развертывающейся на почве внутренней коллизии между художником и личностью. Суть этой коллизии можно свести к тому, что талант художника подчиняется мистике искусства, мистике художественного начала, которая в свою очередь в силу своей природы противится всякому определению и охватыванию, предпочитая оставаться аморфной и стихийной. Религия же, напротив, конкретна и стремится овладеть мистикой, введя ее в свое русло: «Художник творит свободно и непосредственно, пока в нем дремлет религиозная личность, но пробуждение ее приносит с собой новый, для искусства внеш-

ний и чуждый, религиозный критерий... Благо тому художнику, в душе которого оба критерия, эстетический и религиозный, не столкнутся враждебно, но гармонически соединятся и тем взаимно усилят друг друга» [Булгаков 2008f, 299].

Религиозный идеал искусства, рождающийся в свободном союзе искусства и религии, является для Булгакова вершиной художественного творчества. Данный идеал возможно лишь созерцать, но не стоит пытаться рационализировать. В качестве примера подобной вершины из отечественной литературы Булгаков приводит Достоевского, который, «очевидно, не знал разлада художника с человеком и в последних своих произведениях (“Братья Карамазовы”, “Сон смешного человека”) явил образец душевного здоровья, результат гармонии религиозной личности с художником» [Булгаков 2008f, 300]. Однако о вере раннего Достоевского Булгаков говорит, что это «победа веры над неверием, все еще борющимся и отстаивающим свои права, вера васнецовская, беспокойная, мучительная» [Булгаков 2008a, 201]. Таким образом, «образец душевного здоровья» все-таки является результатом тяжелейшей борьбы с неверием и сомнением, борьбы, из которой Достоевский выходил «весь в крови от ран» [Булгаков 2000b, 631].

Примерами же дисбаланса между религиозным самоощущением и творческим началом, иными словами, примерами проигранной борьбы духа для Булгакова являются Гоголь и Толстой, которые с наступлением религиозного кризиса в жизни и искусстве «осудили свое художественное творчество как греховное» и тем самым «не смогли примирить в душе своей человека и художника» [Булгаков 2008f, 300]. И хотя Булгаков считает, что подобный конфликт вовсе не является чем-то необходимым для каждого художника, но скорее индивидуальным случаем, он высоко оценивает попытки Гоголя и Толстого достичь разрешения драмы: «В этом самоубийстве художника... видится полное глубокого смысла и внутренне необходимое религиозное бореие человеческого духа. Это болезнь, но болезнь избранных натур не к смерти, а к жизни» [Булгаков 2008f, 302].

Излечиться от «болезни» Толстому не удается: Булгаков подвергает жесточайшей критике толстовскую философию самоправедности и самоспасения. Весьма высоко ценя Толстого как писателя, Булгаков говорит, что последний как религиозный философ достаточно примитивен и ставит вопрос о религиозной драме, которую

переживает художественный гений [Чернова 2016]. Литературная эволюция Толстого, согласно Булгакову, – это путь «от великого художника до посредственного богослова и морализирующего публициста» [Булгаков 2008f, 302]. О Толстом Булгаков отзывается как о человеке религиозно бессильном, неспособном к вере, однако страстно к ней стремящемся [Булгаков 2000а, 281]. Неспособность эта проистекает из рационалистического мировоззрения Толстого – «этического рационализма с налетом анархизма и мистицизма, тенденциозно синкретического и пантеистического» [Кода 2015, 10]. При этом, отмечает Булгаков, Толстому не удастся, в отличие от Гоголя, совершить последний шаг – превзойти в себе писателя и всецело перейти на путь религиозного действия. Вместо этого классик занимается «корректированием» Христа – проповедует бутафорское опрощение, а также примитивизирует Евангелие, сводя христианство к Нагорной проповеди, понимаемой в духе анархизма.

Иным примером упомянутого конфликта в художнике для Булгакова, утверждавшего строгий примат этического над эстетическим, служит Леонтьев. Хотя в итоге он и утверждает в своей вере – вере, как говорит Булгаков, «родившейся из ужаса», «не созерцательной и не сердечной, но волевой» [Булгаков 2008d, 122], – однако в позициях своих исходит и руководствуется в первую очередь эстетическим чувством, подчиняя ему мораль: «Различие между добром и злом поглощается для него в противоположности красоты и безобразия. И хотя ради православия Леонтьев еще и старается аскетически натянуть на себя хламиду морали, но она постоянно сваливается от нетерпеливого подергивания плеч, этого жеста эстетической брезгливости...» [Булгаков 2008d, 117] В этом отношении Леонтьев для Булгакова является достаточно показательной фигурой: он единственное исключение из утверждаемого Булгаковым правила большой совести русской литературы. Мотивы жалости, покаяния и морализм, характерные для русского народничества, остаются на периферии леонтьевского внимания. Он «дерзает стать по ту сторону человеческого добра и зла... и в христианстве по возможности обесцвечивает эти мотивы, подчеркивая в нем лишь пессимизм...» [Булгаков 2008d, 117].

Булгаков обвиняет Леонтьева, «нетерпимого, исключительного, фанатического», в упрощении христианства, а точнее его индивидуализации, в подведении под собственные лекала: «Пользоваться

сочинениями Леонтьева в качестве источника для постижения православия возможно, только считаясь с упомянутым личным его колоритом... Христианство многократно и многообразно, и в известных пределах оно дает простор и личным оттенкам, даже их предполагает. Опасные уклоны появляются лишь тогда, когда они отождествляются со сверхличной сущностью христианства, а этим, бесспорно, грешил Леонтьев» [Булгаков 2008d, 123–124]. Таким образом, Леонтьев, по мысли Булгакова, не побеждает собственную творческую натуру – буйную, по-язычески дионисийскую, – а пытается примирить ее с собственным изводом Православия. До конца жизни он утверждает свой «люциферический эстетизм» [Булгаков 2008d, 128] и пытается «гуманизировать» Православие.

Вера в добро и вера в народ

Адресуясь к приведенным выше словам из чеховского «На пути» о том, что «если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое», специально выделим, что, по Булгакову, вера в опыте национальных писателей не обязательно должна быть верой в божественное.

Так, в случае с Чеховым Булгаков отмечает, что, хотя в некоторых его произведениях «стыдливо и, быть может, несколько нерешительно отражается крепнущая религиозная вера, христианского оттенка» [Булгаков 2002, 556], классику скорее все-таки присуща вера в деперсонализированное Добро. Чехов в своих произведениях видит и подмечает торжество банального зла, однако при этом верит, что человеку необходимо с ним активно и мужественно бороться, имея ориентиром некоторый идеал, укорененный в творении. И эта чеховская вера в человеческое развитие, в прогресс – вера «тоскующая, рвущаяся и беспокойная» – имеет признаки веры религиозной: «Религиозная вера в сверхчеловеческое Добро дает опору для веры и в добро человеческое, для веры в человека. И, несмотря на всю силу своей мировой скорби, скорби о человеческой слабости, Чехов никогда не терял этой веры...» [Булгаков 2002, 557].

Иначе говоря, Булгаков считает, что Чехов, не находя идеалов в жизни, в окружающей действительности, испытывает тоску по этим отсутствующим идеалам, которую выражает в своем творчестве. Писателю близка, полагает Булгаков, одна из основных идей христианства – ценность всякого человеческого существования.

Творческое мировоззрение классика – «оптимопессимизм» – включает в себе, как мы уже сказали, две противоположные грани: подчеркивание власти обыденного над человеком и одновременно с этим декларацию катарсиса – «просветляющего конфликта в борьбе героев с собой, в остающейся надежде на их нравственное возрождение» [Смолякова 2009, 139].

Наряду с верой в добро, а также со смыкающейся с ней верой в естественный прогресс человечества Булгаков отмечает, что русские писатели имеют веру в собственный народ и в его творческие силы. Эта вера может иметь под собой разные рациональные основания: она может быть частным случаем веры в универсального «естественного человека» позитивизма или же смыкаться с представлениями о народе-богоносце. Однако на глубинном уровне она коренится в «метафизических основах мирозерцания» и «существует у каждого русского и явственно сознается после того, как проходит первая горячка увлечения западной цивилизацией»: «Народы подобно индивидуумам, имеют свою нравственную задачу, свою историческую миссию, и эта миссия предусмотрена в нравственном миропорядке... С этой точки зрения уже самый факт исторического существования великого народа свидетельствует, что ему суждено на свой собственный лад послужить добру, сказать свое слово. Идея народности, таким образом понимаемая, является религиозной идеей, она связана с общей идеей существования нравственного миропорядка» [Булгаков 1903, 187].

Эту веру Булгаков приписывает таким разным писателям, как Герцен, Толстой и Достоевский. Так, разочаровавшийся в Западе Герцен обращает свой взгляд на Россию и населяющий ее народ. Видя огромный нереализованный потенциал народа, его способности, воодушевленный Герцен «из зрителя... становится деятелем... [и] начинает звонить в “Колокол”, будить общественную мысль и совесть» [Булгаков 1903, 187]. Вера его не включает в себя веру в Бога, однако опять же несет в себе черты религиозной веры, поскольку основанием своим имеет любовь: «Святая вера! ... Кто действительно любит, верит, не может не верить, что любимый человек обладает в каком бы то ни было отношении исключительными достоинствами, представляет собой индивидуальную и в таковом качестве незаменимую ценность. <... > в нем видится нечто и такое, чего нет ни у кого в мире. И то же, что происходит в индивидуальной любви, бывает и с любовью к родине, из которой родится вера в национальное призвание» [Булгаков 1903, 187–188].

Для Герцена вообще, несмотря на его атеистические воззрения, было свойственно задаваться вопросами религиозного сознания, например о смысле жизни и истории, «карамазовскими вопросами». На протяжении жизни он так или иначе нуждался в «религиозной» вере – в научное знание, в Запад, а затем в Россию. Из-за рационалистического мышления Герцен для Булгакова остается яркой фигурой, не реализовавшей в полной мере собственный потенциал. Отзываясь о нем как о Прометее, «приковавшем себя к бесплодной скале позитивизма», Булгаков пишет: «Философия Герцена ниже его личности; умственный мещанин, резонер здравого смысла, душил Прометея, постоянно палимого тем внутренним огнем, который был похищен им с неба. В этом несоответствии мировоззрения духовным запросам личности, которая не может, однако, преодолеть его изнутри, и состоит душевная драма Герцена» [Булгаков 1903, 194]. Как и Карамазову, Герцену было не суждено пережить радость положительного разрешения метафизических вопросов. Однако, как говорит Булгаков, «истинная-то религиозность и состоит в искании» [Булгаков 1903, 182].

Вера в русский народ была присуща и Толстому, особенно в период, когда великий художник выступил с проповедью опрощения. Толстой вообще был достаточно близок к народу, уважая его и сочувствуя его положению. Булгакову симпатичны эти черты в характере классика, которые, по его мнению, придают Толстому «особую почвенность и здоровье». Писатель, во время религиозного кризиса нашедший смысл и истину жизни в деятельности трудящегося народа, «добывал от мужика веру в Бога» [Булгаков 2000а, 277]. «Критерий труда для добывания жизни» становится объектом критики Булгакова: «Религиозный мотив [опрощения] – искание Бога у мужика посредством мужицкого труда – нам представляется прямо ложным», – пишет Булгаков [Булгаков 2000а, 281]. Таким образом, в случае Толстого вера в народ представляет собой веру в истинность его уклада и образа жизни.

Что же касается Достоевского, по мнению Булгакова, бывшего, как и Толстой, духовно близким к народу, то он, войдя в жизнь народа через каторгу, во многих своих произведениях устами своих героев ставит многочисленные вопросы. Что такое народ? Какова его религиозная природа? Что представляет собой русский народ? В поисках ответов в творчестве Достоевского Булгаков обращается к трагедии «русской интеллигенции, определенного духовного

уклада личности» [Булгаков 2008е, 8], к анализу романа «Бесы»: «Достоевский отвечает устами Шатова на эти вопросы вполне определенно... Народ есть в основе своей религиозное единство, “тело Божие”, народы создаются их религиями...» [Булгаков 2008е, 23–24]. При этом необходимо понимать, что углубленное и обостренное национальное самосознание, построенное на религиозной общности, неизбежно приводит к убеждению о богоносности народа: «Всякий народ потенциально богоносен, поскольку он вынашивает в себе свою религиозную идею, дает в себе место раскрытию божества. Народы живут верою, ею они слагаются и с утратой ее разлагаются» [Булгаков 2008е, 24].

Неумная любовь Шатова к национальной идее приводит его к смысловой подмене: «уже не народ – тело Божие, но сама вера делается телом народа» [Булгаков 2008е, 24]. Персонаж Достоевского, устами которого сам писатель озвучивает собственные идейные наклонности в гиперболизированном виде, здесь оказывается идеологическим предшественником того «болезненного течения» в русской жизни, ставящего национальное выше религиозного. Вера смыкается с «национально ориентированной политикой» [Савельева 2013, 118] и становится для нее средством. Чувство национальной исключительности вступает здесь в противоречие с религиозной идеей, что в свою очередь выражается в создании мифа о «собственном, национальном боге» – искаженном воплощении национального духа [Савельева 2013, 118]. Но, как замечает Булгаков, Достоевский, в отличие от Толстого, остался чужд народобожиию при всем увлечении идеей «народа-богоносца» [Булгаков 2000а, 296].

«Болезнь совести» и «религиозное банкротство души»

Лейтмотивом творчества обсуждаемых Булгаковым национальных писателей является то, что философ в разных статьях называет «болезнью совести». Как уже отмечалось выше, Булгаков на этом не останавливается, а идет дальше и заявляет, что вся русская художественная литература (за исключением упоминавшегося Леонтьева) говорит о болезни совести: «Болезнь совести, эта удивительная болезнь, определяет весь характер нашей культуры, и, я думаю, всего нашего философского развития» [Булгаков 1993, 43].

Самым известным персонажем национальной литературы с ярко выраженной болезнью совести является Иван Карама-

зов, «русский интеллигент, с головы до ног, с его пристрастием к мировым вопросам, с его склонностью к затяжным разговорам, с постоянным самоанализом, с его больной, измученной совестью» [Булгаков 1993, 42]. Иван полностью занят этическими проблемами и совершенно равнодушен ко всем иным философским проблемам, например, эпистемологическим. Эти особенности, присущие большинству русских литературных героев, отделяют, по мнению Булгакова, отечественную литературу от буржуазного Запада.

На вопрос о том, почему «болезнь совести» является русской национальной чертой, Булгаков дает конкретный ответ. Мысль философа можно понять так: поскольку русская интеллигенция исторически и культурно-психологически близка европейской, а народ по условиям жизни отстает от европейского на несколько веков, в стране накопился огромный разрыв между «есть», в котором пребывает народ, и «должно быть», о котором радеет интеллигенция. Эта пропасть между идеалом и действительностью «в сознании интеллигенции выражается в чувстве нравственной ответственности перед народом, полному и плодотворному соединению с которым мешают тупые, но пока еще не побежденные силы» [Булгаков 1993, 44]. Можно, таким образом, заключить, что под болезнью совести имеется в виду тоска по обустройству страны и облегчению участи многострадального отечественного народа.

В случае, если болезнь совести отсутствует, для интеллигенции наступает состояние, метко называемое Булгаковым «религиозным банкротством души», нашедшим символическое отражение во многих произведениях классиков отечественной литературы. Упомянутое банкротство, например, присуще многим героям Чехова и Достоевского, у которых оно изображается зачастую апофатически – через отсутствие личности главного героя. «Антигероичность» литературы особенно присуща Чехову, «певцу мировой скорби», все время рисующему серых, маленьких, никчемных людей и тем самым показывающему, «какой мощью может обладать бессилие и сколь бессильна мощь русской души» [Савельева 2012, 73]. Тон жизни в чеховских произведениях задает посредственность, «умственное и нравственное ничтожество»: «Философский вопрос, дающий главное содержание творчеству Чехова, есть вопрос о нравственной слабости, бессилии добра в душе среднего человека, благодаря которому он сваливается без борьбы, повергаемый не большой горой, а соломинкой... благодаря которому идеальные страдания не поднимают, а только

заставляют бессильно страдать человека и создают этих хмурых, нудных людей...» [Булгаков 2002, 546].

То же самое отсутствие героического, но уже по другим причинам свойственно «Бесам» Достоевского, где безличность связана с одержимостью героев злыми силами: «Состояние мучения о Христе переживают и главные герои “Бесов”. “Меня всю жизнь Бог мучил”, – говорит Кириллов и, в действительности не о себе только, но и... об остальных действующих лицах, которым суждена роль гадаринских свиней, т.е. слепых орудий злой силы» [Булгаков 2008е, 10]. Одержимость – главная черта героев «Бесов», находящихся в «мучительном параличе личности». «Ставрогина нет, ибо им владеет дух небытия, и он сам знает о себе, что его нет» [Булгаков 2008е, 10]. Личностную несамостоятельность и несостоятельность героев мы находим и в других произведениях Достоевского, обеспокоенного темой маленького человека. Так, герой из подполья говорит о себе: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [Достоевский 1973, 119]. Ощущая свою глубокую социальную и метафизическую несостоятельность, герой Достоевского вводит нас в мир поистине «маленького» человека. Отечественный философ и богослов Катасонов отмечает: Достоевский показывает, что маленький человек «крутыми зигзагами русской истории... был вырван из почвы традиционных народных ценностей, прежде всего православия, а новые европейские он так и не сумел сделать своими... Он научился критиковать и сомневаться, но так и не обрел истины» [Катасонов 2018, 210].

Заключение

Рассматривая отношение Булгакова к знаковым фигурам национальной литературы, к их метафизическим исканиям и запросам, анализируя философскую рецепцию Толстого, Достоевского, Чехова, Герцена, Леонтьева, осуществленную религиозным мыслителем, мы акцентировали внимание на том, что все авторы прошли через подобные искания, сформулировав предельные вопросы о человеке и его социальном бытии непосредственно в своем творчестве. Даже те из них, по мнению Булгакова, кто испытывал сложный комплекс отношений с религией и переживанием личной религиозности (Толстой, Чехов) или же радикальнее – с метафизикой (Герцен), не отказались от самого факта

и необходимости веры – в русский народ, в общечеловеческое добро или в торжество разума.

Булгаков, таким образом, исходит из глубинной религиозно-философской интуиции, что вера является неотъемлемым конституирующим моментом жизни и творчества всех основных фигур национальной литературы. Данное убеждение во многом обусловлено духовной эволюцией самого Булгакова, пересмотревшего свои взгляды и вернувшегося на определенном этапе жизни в лоно русской церкви. Когда философ размышляет о конфликте художника и религиозной личности, определяющем, с его точки зрения, содержание творчества того или иного писателя, он артикулирует важные для него ценностные и мировоззренческие аспекты, говоря в этот момент и о своем собственном духовном опыте. Значимым итогом философского осмысления Булгаковым национальной литературы, на наш взгляд, является утверждение, что этический дискурс в ней доминирует над эстетическим, а главным ее интересом и предметом исследования являются нравственные проблемы, что сближает русскую литературу с европейской моральной философией в собственном смысле этого слова. Ставя этику выше эстетики, Булгаков считает нужным говорить в том числе о нераскрытом потенциале, о духовно-творческой стагнации, а в некоторых случаях даже о деградации тех писателей, которые, с его точки зрения, неудовлетворительным образом решили внутренние религиозные вопросы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булгаков 1903 – *Булгаков С.Н.* Душевная драма Герцена // От марксизма к идеализму. Сборник статей. – СПб., 1903. С. 161–194.

Булгаков 1993 – *Булгаков С.Н.* Иван Карамазов как философский тип // Сочинения в 2 тт. Т. 2. – М.: Наука, 1993.

Булгаков 2000а – *Булгаков С.Н.* Простота и прощение // Л.Н. Толстой: Pro et contra. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000.

Булгаков 2000b – *Булгаков С.Н.* Человекобог и человекозверь // Л.Н. Толстой: Pro et contra. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000.

Булгаков 2002 – *Булгаков С.Н.* Чехов как мыслитель // А.П. Чехов: Pro et contra. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2002.

Булгаков 2008а – *Булгаков С.Н.* Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (Параллели) // Тихие думы. Этика, культура, социология. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.

Булгаков 2008b – Булгаков С.Н. Мое безбожие // Тихие думы. Этика, культура, софиология. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.

Булгаков 2008c – Булгаков С.Н. На смерть Толстого // Тихие думы. Этика, культура, софиология. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.

Булгаков 2008d – Булгаков С.Н. Победитель – Победенный // Тихие думы. Этика, культура, софиология. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.

Булгаков 2008e – Булгаков С.Н. Русская трагедия // Тихие думы. Этика, культура, софиология. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.

Булгаков 2008f – Булгаков С.Н. Человек и художник // Тихие думы. Этика, культура, софиология. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.

Достоевский 1973 – Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений. Т. 5. – М.: Наука, 1973.

Катасонов 2018 – Катасонов В.Н. Достоевский как феноменолог // Философская феноменология, экзистенциализм, христианство. – М.: Познание, 2018.

Кода 2015 – Кода П. Сергей Булгаков. – М.: ББИ, 2015.

Одесская 2010 – Одесская М.М. С.Н. Булгаков – литературный критик. Статья о Чехове и полемика об идеалах // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 8 (51). С. 33–46.

Савельева 2012 – Савельева М.Ю. Сергей Булгаков как литературный критик // Булгаковские чтения. 2012. № 6. С. 70–78.

Савельева 2013 – Савельева М.Ю. «Достоевский как он есть и не есть» (опыт восприятия С. Булгакова) // Булгаковские чтения. 2013. № 7. С. 109–118.

Смолякова 2009 – Смолякова М.С. «Свойства его таланта вели его непроторенными путями». С.Н. Булгаков об А.П. Чехове // Веснік Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. 2009. № 4 (34). С. 136–140.

Собенников 2010 – Собенников А.С. С.Н. Булгаков как литературный критик (о рецепции творчества А.П. Чехова) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 87–92.

Чернова 2016 – Чернова М.С. «Религиозная драма» или «трагедия художественного гения»? Этический идеал Л.Н. Толстого в оценке С.Н. Булгакова // Веснік Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2016. № 2 (48). С. 73–77.

REFERENCES

Bulgakov S.N. (1903) Internal Drama of Herzen. In: *From Marxism to Idealism. Collected Articles* (pp. 161–194). Saint Petersburg (in Russian).

Bulgakov S.N. (1993) Ivan Karamazov as a Philosophical Type. In: *Collected Works* (vol. 2). Moscow: Nauka.

Bulgakov S.N. (2000a) Simplicity and Simplification. In: *Tolstoy. Pro et Contra*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2000b) Man-god and Man-beast. In: *Tolstoy. Pro et Contra*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2002) Chekhov as a Thinker. In: *Chekov. Pro et Contra*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2008a) Vasnetsov, Dostoevsky, V. Soloviev, Tolstoy (Parallels). In: *Silent Thoughts. Ethics, Culture, Sophiology*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2008b) My Atheism. In: *Silent Thoughts. Ethics, Culture, Sophiology*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2008c) On the Occasion of Tolstoy's Death. In: *Silent Thoughts. Ethics, Culture, Sophiology*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2008d) Winner and Defeated. In: *Silent Thoughts. Ethics, Culture, Sophiology*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2008e) Russian Tragedy. In: *Silent Thoughts. Ethics, Culture, Sophiology*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Bulgakov S.N. (2008f) Person and Artist. In: *Silent Thoughts. Ethics, Culture, Sophiology*. Saint Petersburg: Oleg Abyshko Pub. (in Russian).

Chernova M.S. (2016) "Religious Drama" or "Tragedy of Artistic Genius"? Ethical Ideal of Tolstoy in the Assessment of Bulgakov. In: *Vesnik Magileuskaga Dziarzhavnaga Universiteta*. 2016. No. 2, pp. 73–77 (in Russian).

Coda P. (2003) *Sergej Bulgakov* (Russian translation: Moscow: BBI, 2015).

Dostoevsky F.M. (1973) *Notes from Underground*. Moscow: Nauka (in Russian).

Katasonov V.N. (2018) Dostoevsky as a Phenomenologist. In: *Philosophical Phenomenology, Existentialism, and Christianity*. Moscow: Poznaniye (in Russian).

Odesskaya M.N. (2010) Bulgakov as a Literary Critic. In: *Vestnik RGGU. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2010. No. 8, pp. 33–46 (in Russian).

Savelieva M.U. (2012) Bulgakov as a Literary Critic. In: *Bulgakov Readings. Issue 6* (pp. 70–78) (in Russian).

Savelieva M.U. (2013) "Dostoevsky as He Is and as He Isn't" (Experience of S. Bulgakov's Perception) In: *Bulgakov Readings. Issue 7* (pp. 109–118) (in Russian).

Smolyakova M.S. (2009) "Properties of His Talent Led Him in Unbeaten Ways". S.N. Bulgakov on Chekhov. In: *Vesnik Magileuskaga Dziarzhavnaga Universiteta*. 2009. No. 4, pp. 136–140 (in Russian).

Sobennikov A.S. (2010) S.N. Bulgakov as a Literary Critic (On the reception of Chekhov's works). In: *Sibirsky Philologichesky Zhurnal*. 2010. No. 3, pp. 87–92 (in Russian).